

Татьяна НЕШУМОВА

ПРЕОДОЛЕНИЕ БЕЗВЕСТНОСТИ

Лев Горнунг. «Свидетель терпеливый...»: Дневники, мемуары / Подгот. текста, предисл., коммент. Т.Ф. Нешумовой. – М.: Издательство АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2019. – 761, [7] с., ил. – (Мемуары XX век).

В 2004 году московский филолог Олег Лекманов предложил мне написать статью о поэте и переводчике Дмитрие Сергеевиче Усове (1896–1943) для «Мандельштамовской энциклопедии». Единственное, что я знала о нем, была фраза Надежды Яковлевны Мандельштам: «Усов, как и Мандельштам, был всем напуган и ничего не боялся». Первым документом, с которым я познакомилась, придя в РГАЛИ, стала автобиблиография Усова, составленная им накануне ареста. Его арестовали в начале 1935 года по делу о так называемой немецко-фашистской организации, во главе которой якобы была редакция «Большого немецко-русского словаря», первый том которого вышел в 1934 году.

У меня было такое чувство, будто море выплеснуло к моим ногам бутылку с письмом потерпевшего кораблекрушение. Эту библиографию сохранил и передал в архив друг Усова московский фотограф Лев Владимирович Горнунг (1902–1993), проживший длинную и трудную жизнь (последние тридцать лет – в слепоте).

В Государственном литературном музее, куда я тоже пришла за бумагами Усова, мне выдали удивительное стихотворение 1924 года «Немецкий роман»:

Нет, не Лакло, не Стерн, не Свифт
Дарованы моим досугам:
Готический, домашний шрифт,
Хрустящий на листе упругом...

– чудесный конспект несуществующего произведения, иронически воспроизводящий типичные романские ходы и повороты. Несколько слов в нем, в самом деле, были написаны готическим немецким шрифтом, разобрать который мне помог переводчик Алеша Прокопьев. Стихотворение тоже хранилось в фонде Л.В. Горнунга и было посвящено его брату, филологу Борису Горнунгу, с которым Усов в четыре руки спустя несколько лет перевел роман Золя «Деньги». Среди бумаг Усова были написанные на немецком страстные стихи, адресованные легендарной Черубине де Габриак, протоколы заседаний литературной и переводческой секций Государственной академии художественных наук, сказки, придуманные для дореволюционного детского журнала «Проталинка», переводы русских стихов от Пушкина до Блока на немецкий, критические статьи об Ахматовой, Анненском, Рильке (и два десятка переводов из него) и море писем, которые постепенно сложились в пазл человеческой жизни.

Меня зацепили эти документы, мне захотелось узнать об Усове и его друзьях всё, вот так и получилось, что я последние 15 лет занимаюсь им и людьми его круга. В подавляющем большинстве это московские поэты и филологи, молодость которых пришлась на конец 1910-х – 1920-е, и люди предыдущего поколения: друг Блока, замечательный филолог и поэт Ю.Н. Верховский, опекаемый Мандельштамом поэт-чудак А.В. Звенигородский и его однокашник, первый библиограф Иннокентия Анненского Евгений Яковлевич Архиппов, сохранивший для нас стихи и письма любимой моей поэтессы Веры Александровны Меркурьевой и Елизаветы Ивановны Васильевой (Черубины де Габриак). Лев Горнунг дружил с С.Я. Парнок, А.С. Кочетковым, С.В.Шервинским, Ю.Н. Верховским, художником Леонидом Фейнбергом, Арсением Тарковским, крестил и нянчил Андрея Тарковского.

Все эти годы у меня было чувство, что я стою на цыпочках, чтобы дотянуться до своих героев. Я столько не знала! Когда за домашним чаем вдруг выяснялось, что я не читала какого-нибудь очередного классического романа XX века, дома шутили: «Ну, конечно! Наша мама читала только избранную переписку Усова с друзьями!»

Я находила большое утешение у своих героев: так же, как и я, всех своих читателей они знали лично и умели преодолевать эту безвестность. Архиппов делал невероятные рукописные книги, Усов писал на них рецензии в письмах, Горнунг с братом и друзьями выпускал машинописный журнал «Гермес», в котором печатались и серьезные филологические статьи, и стихи, и рецензии, а тираж составлял всего 12 экземпляров (!). Пример этих людей убеждал меня в правоте древней мудрости Лао-цзы: слабое и мягкое побеждает твердое и сильное...

Результатом моей работы стали два двухтомника (вместе примерно 3 тысячи страниц!): «Мы сведены почти на нет...» (2011) – стихи, переводы, статьи и письма Д.С.Усова (их теперь можно прочитать в интернете в библиотеке ImWerden) и «Рассыпанный стеклярус» (2016) – стихи, мемуары и письма Е.Я. Архиппова. И вот теперь к читателю приходит книга дневников и мемуаров Л.В. Горнунга «Свидетель терпеливый...». Название взято из его стихотворения (книга вообще не обошлась без стихов, ее замыкает небольшая поэтическая хрестоматия Горнунга и его друзей и знакомых).

Работая над книгой Усова, я узнала, что часть его бумаг хранится в московском музее Марины Цветаевой, и ради них я в 2010 году попросилась туда на службу. Оказалось, что здесь целое богатство: не публиковавшиеся никогда фотографии и воспоминания Льва Горнунга об Усове, Кочеткове, Садовском, Верховском, Звенигородском, салоне Антоновской. Мне захотелось объединить их вместе с опубликованными в перестройку К.М. Поливановым и прочно вошедшими в золотой фонд русской мемуаристики воспоминаниями Горнунга об Ахматовой, Пастернаке, Мандельштаме, Шпете. В процессе работы замысел претерпел изменения: центром книги стали дневник Горнунга, который он вел с начала 1920-х годов.

Этот дневник сохранился в виде двух толстых и нескольких тонких тетрадей, множества беглых записей на отдельных листках, разбросанных по государственным и частным собраниям. Многие из отдельных листов представляют собой копии подлинных записей, их делали помощники ослепшего автора. Страницы толстых тетрадей часто перечеркнуты карандашом как несущественные, видимо, в период позднейшего обращения к дневнику как к источнику для мемуаров о поэтах первой величины. В книге «Свидетель терпеливый...» предпринята попытка объединить все выявленные записи в единый текст, в основу которого, как и во всяком дневнике, положен хронологический принцип. В некоторых случаях дневниковые записи разбиваются документами другого порядка – письмами, стихами, объясняющими важные обстоятельства жизни Горнунга и его друзей.

Для публикации в «Волге» я выбрала из книги два небольших фрагмента воспоминаний Горнунга об Александре Кочеткове (которого все, благодаря Эльдару Рязанову, знают как автора одного стихотворения «С любимыми не расставайтесь»), одну дневниковую запись о нем и его стихи.

Из дневника Л.В. Горнунга:

23.10.1925

<...> Вечером у нас читал Кочетков. Были Тюрин¹, Арс² и я. Стихи очень хорошие. Давно не слышал таких зрелых. Правда еще отдает символизмом, в частности, Вяч.

¹ Тюрин Николай Николаевич – участник «Сред» Н.Д. Телешова, автор нескольких драматических произведений, выходивших в первой половине 1930-х отдельными книгами, знакомый Альвинга.

Ивановым и Блоком, но есть близость к простоте и ясности большой, вернее, намечается. Сам он – красна девица – очень стыдливый и краснеющий, с робким голоском. Круглолиц, румян, носит бачки и носит имя Пушкина – Александр Сергеевич.

Под конец он попросил прочесть мои стихи, и Арс добросовестно выполнил эту свою миссию. <...>

Я взял у Кочеткова его тетрадку стихов просмотреть внимательнее, а он просил у меня того же – в ближайшем будущем, сказав сразу Арсу, что мои стихи «могли бы быть для него излюбленными».

Из воспоминаний Л.В. Горнунга:

<...> Очень ярко запомнилась мне одна встреча с Шурой Кочетковым. Это было летом в конце 20-х годов. Я шел по Москворецкому мосту к себе домой на Балчуг, он же поднимался навстречу мне на Красную площадь. Около храма Василия Блаженного мы поравнялись. Кочетков шел медленно усталой походкой. Он был без шляпы в легком летнем пальто, и тяжелый портфель оттягивал его руку. Он шел, откинувшись немного назад, с высоко поднятой головой, румянец горел на его лице. Глаза были устремлены куда-то в небо. Он ничего не видел вокруг себя и был в состоянии какого-то вдохновения и экзальтации и меня он не заметил. Я не решился выводить его из этого состояния и прошел мимо.

Внешность Александра Сергеевича была типичной для поэта прежних лет. Он носил рубашки с отложным воротником, как у Байрона, в осеннюю погоду он надевал широкий черный плащ без рукавов и мягкую черную шляпу с широкими полями.

В обращении с людьми Шура Кочетков был всегда вежлив, добр и благожелателен. Он был немного сентиментален, а иногда ироничен. Пессимизма я в нем не замечал, хотя в его жизни бывали очень трудные моменты и часто стесненные материальные обстоятельства.

<...> Зима 1952–1953 года была для него особенно тяжелой. Долгов было много, нужно было срочно их погасить, а издательство Грузии задерживало гонорар. Он продал свое зимнее пальто и ходил в мороз в летнем. Он простужался, болел затяжным гриппом. Инна Григорьевна³ не поднималась, окончательно прикованная к постели полиартритом. Я был у них в последний раз в 1953 году. Меня поразила бледность и худоба ее лица. Оно казалось выточенным из мрамора, пальцы рук тонки, бледны и искривлены подагрой. Инна Григорьевна лежала на высоко поднятых подушках. Александр Сергеевич больной лежал поперек кровати у ее ног, прислонясь плечом и головой к стене. В апреле 1953 года я застал там фон Дервиз⁴, дружески относящуюся к ним обоим. Она мирно разговаривала с Инной Григорьевной, стараясь скрыть тяжесть своих впечатлений. Я ушел с горестным чувством и сожалением о своей беспомощности помочь другу.

В скором времени Александра Сергеевича поместили в больницу с диагнозом инфекционный менингит как осложнение после гриппа. Посетителей к нему не допускали. Лишь его старый друг Галина Михайловна Ильинская находилась бессменно у его постели до последнего его дыхания. Александр Сергеевич ничего уже не мог глотать, и она давала ему холодные дольки апельсина, которые давали ему облегчение. Он был в бредовом состоянии, с высокой температурой, но после вкусового ощущения от дольки апельсина говорил свое любимое слово «ге-ниаль-но» <...>.

² Альвинг (наст. фамилия Смирнов) Арсений Алексеевич (1885–1942) – поэт, переводчик, прозаик, критик, друг Горнунга. Редактор альманаха литературы «Жатва» и одноименного издательства (1911–1916).

³ Прозрителева Инна Григорьевна (ум. в 1957) – жена А.С. Кочеткова.

⁴ Возможно, Мария Владимировна Фаворская (урожд. Дервиз; 1887–1959), художница.

Александр Кочетков

БАЛЛАДА ОДНОЙ МОГИЛЫ⁵

1. Друг сетует над гробом

Он знал высокую тревогу,
Горел, как Божия свеча,
И рано душу отдал Богу,
От боли корчась и крича.

Забыв о теле гангренозном,
Он стал счастливей, может быть,
И лучезарным ликом звездным
В пустую вечность будет плыть.

И все ж в слепые наши души
Стучатся жалость, страх и гнев...
Угаснуть, песни не дослушав,
Умолкнуть, песни не допев!

2. Женщина плачет ночью

За льдиной льдина – льды уплыли.
Сквозь туч – луны серебристый бег...
Но дуновенья легких крылий
Не тронут почернелых век.

А может быть, змеей незримой,
Тебя и в гробе гложет страсть –
И ты зовешь меня, любимый,
Чтоб вновь к губам моим припасть...

Ах, для чего в те дни, в те ночи
Я не пришла на твой призыв?
Из казней казни нет жесточе –
Как умереть, не долюбив!

3. Черви выражают неудовольствие

Давно и доски уж истлели,
И глина превратилась в слизь, –
Не угасает в жарком теле
Его бессмысленная жизнь!

Так жесток узел грубых тканей,
Так терпок, солон и незрел,
Как будто яд земных желаний

⁵ Пользуясь случаем, хочу поблагодарить В.А. Резвого за предоставление текста стихотворения.

Еще остыть в нем не успел...

Когда ж ничтожество людское
Поймет, что надо быть – мертвей,
Что полумертвое такое –
Плохая пища для червей!

4. Трава утешает всех

Он холодком мне корни движет,
Мне гладит волосы чуть-чуть...
Но с каждым днем – тесней и ближе –
В земную упадает грудь.

И с каждым днем – все тише, реже
Из бездыханной глубины
Ко мне встает невнятный скрежет,
Плывут коснеющие сны...

Уничтоженье не обманет.
Но жернова должны молоть,
Пока душа душой не станет,
Пока землей не станет плоть.